

**«ПРАПАМЯТЬ» В РОМАНЕ И. А. БУНИНА
«ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»¹**

***Аннотация:** В статье исследуется, как разворачивается в романе И. А. Бунина тема прапамяти. Выявляется сквозной характер этой темы, прошедшей через все творчество писателя (отражена в лирических и прозаических произведениях). В работе охарактеризованы основные типы прапамяти в романе «Жизнь Арсеньева». Анализ ведется в соотношении с художественной философией И. А. Бунина в целом, в единстве с другими ключевыми мотивами творчества.*

***Ключевые слова:** И. А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», тема прапамяти.*

В традиционном представлении память – это события прошлого, которые хранятся в сознании человека. Однако если обратиться к толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, то можно увидеть следующее значение: «Память – свойство души хранить, помнить сознание о былом» [Даль, с. 14]. Именно такую память или же прапамять (термин Ю. Мальцева) развивает в своем творчестве И. А. Бунин.

Прапамять – это особое состояние души, поскольку происходит акт возрождения себя путем «припоминания» прежних жизней; это преодоление существующего времени и выход из него в некий универсальный план – план Всебытийности, в котором сосредоточена вся человеческая память. В свете такого представления прапамять следует осмысливать как онтологическую категорию, «в которой материальное и духовное сливаются, то есть память разрушает не только время, но и пространство, делает зыбкими и условными формы, телесность» [Мальцев, с. 9]. Примечательно, что «генетическая»

1 Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

память всегда пребывает в героях бунинских произведений, но проявляется в определенные моменты в виде сиюминутных вкраплений, внезапных образов и картин. Тем не менее эти видения воспринимаются героями как что-то давно известное, пережитое и глубоко прочувствованное: «Для Бунина не столько важно высказать мысль о “преодолении времени”, сколько необходимо передать ощущение, чувство того, как “время начинает таять”, передать эмоциональное ощущение связи поколений или связи времен и происходящей отсюда обостренной радости жизни» [Аверин, с. 659].

Феномен прапамяти прослеживается на уровне содержания и формы произведений художника. Несмотря на то, что по своему значению тема памяти обусловлена темой времени, И. А. Бунин все же стремится преодолеть временную дистанцию, «освободиться» от власти времени. Это связано с тем, что время выступает как преграда между «я» и «реальностью». В своей работе Ф. Степун писал: «Тема памяти одна из самых глубоких тем мистической и религиозной литературы. <...> Сущность памяти в спасении образов жизни от власти времени. В отличие от воспоминаний, всегда стремящихся “вернуть невозвратное”, память никогда не спорит со временем, потому что она над ним властвует. Для нее, в последней ее глубине, не важно, умирает ли нечто во времени или нет, потому что в ней все восстает из мертвых» [Степун, с. 98–99]. И действительно, ничто так полно не передает внутренне содержание бунинской памяти.

Тема прапамяти нашла свое выражение как в лирических, так и прозаических произведениях писателя. Например, в стихотворении «В горах» (1916 г.) читаем: «Я говорю себе, почуяв темный след / Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве / – Нет в мире разных душ и времени в нем нет» [Бунин, т. 1, с. 401] или в другом стихотворении этого же года: «Что слушает моя собака? Вне жизни мы и вне времен» [Там же, с. 417]. В рассказе «Ночь» (1925 г.): «Рождение! Что это такое? Рождение! Мое рождение никак не есть мое начало. Мое начало и в той (совершенно непостижимой для меня) тьме, в которой я был зачат до рождения, и в моем отце, в матери, в дедах, прадедах, ибо ведь они тоже я, только в несколько иной форме, из которой весьма многое повторилось во мне почти тождественно. “Я помню, что когда-то, мириады лет тому назад, я был козленком”. И я сам испытал подобное (как раз в стране того, кто сказал это, в индийских тропиках): ис-

пытал ужас ощущения, что я уже был когда-то тут, в этом райском тепле» [Бунин, т. 5, с. 300–301].

Обратимся к главной книге И. А. Бунина – к роману «Жизнь Арсеньева» (1933 г.). В романе, на наш взгляд, прапамять предстает в качестве одной из ключевых категорий, образующих особую временную структуру произведения. Особенность заключается в том, что такое «отмененное время» закономерно оборачивается выходом во «вневременное пространство», что приводит к опространствливанию формы произведения» [Пращерук, с. 136].

Роман начинается с фиксированного (биографического) события, и этим Алексей Арсеньев открывает первый период своей земной жизни: «Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе» [Бунин, т. 6, с. 7]. Однако за этим следует: «У нас нет чувства *своего начала и конца*. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился» [Там же]. Такая организация текста демонстрирует две сквозные временные структуры романа: жизнь, в которой действует конечное и физическое время, перемежается с воспоминаниями о жизни вневременной, бесконечной. И если одна жизнь ограничивается конкретной датой рождения, конкретным местом, то другая – существует всегда и везде. Принципиально важной является вневременная жизнь, поскольку именно она являет качественной иную сферу бытия, в ней и заключена память предков: «И разве не радость *чувствовать свою связь, соучастие* с “отцы и братии наши, други и сродники”, некогда совершавшими это служение? Исповедовали наши древнейшие пращуры учение “о чистом, непрерывном пути Отца всякой жизни” <...> *жизнью бессмертной, “непрерывной”*, веру в то, что это волей Агни заповедано блюсти чистоту, непрерывность крови, породы, дабы не был “осквернен”, то есть прерван этот “путь”, и что с каждым рождением должна все более очищаться кровь рождающихся и возрастать их родство, близость с ним, единым Отцом всего сущего» [Там же, с. 8].

Вереница таких «припоминаний» разворачивается на протяжении всего романа. Однако основные прапамятные события заключены в первых двух книгах романа, где описывается детство и юность Арсеньева. Опыт постижения окружающего мира не лишен трагической тональности. В гере «параллельно и одновременно с чувством укорененности во всебытии живет ощущение своей оторванности от него – удел отошедшего от райской

целостности человека» [Мальцев, с. 10]. Прапамять напоминает Арсеньеву о потерянном рае, о том «горнем мире», где человек был внутренне свободен и открыт. Этому состоянию противопоставлено земное существование, в котором «ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся, не чувствуют той сокровенной души, которая чудится человеческой душе в мире, окружающем ее, *не знают ни зова пространства, ни бега времени*» [Там же, с. 9].

Отъединение от общего связующего переживается героем, оно порождает в нем глубокое чувство печали и тоски: «Младенчество свое я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально: скуден тихий мир, в котором грезит жизнью еще не совсем пробудившаяся для жизни, всем и всему чуждая, робкая и нежная душа. Золотое, счастливое время! Нет, это время несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое» [Там же, с. 9]. И если в начале произведения, будучи младенцем, Арсеньев не мог выразить всю полноту своих переживаний, то в конце романа он напишет: «Вся та глухая, сокровенная пора моего земного существования, кажется мне теперь совсем особой порой <...> давностью времени преображенной как бы в некое отдельное, даже мне самому чужое бытие...» [Там же, с. 241].

Нельзя не отметить, что видения возникают в тот момент, когда Арсеньев пребывает на лоне природы. Природа, таким образом, является неотъемлемой частью Вечности, она хранит в себе сокровенное, священное знание о прошлых жизнях: «Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то *ином*, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему» [Там же, с. 9]. Но иногда пространство окружающего мира расширяется до пространства космоса, Вселенной. И тогда символами бездны и бесконечности выступают небесные тела (звезды, солнце): «Помню какую-то дивную лунную ночь, то, как неизъяснимо прекрасен, легкий, светел был под луной южный небосклон, как мерцали в лунной небесной высоте редкие лазурные звезды, и братья говорили, что все это — *миры, нам неведомые* и, может быть, счастливые, прекрасные...» [Там же, с. 25]. Образы сопровождаются целым рядом риторических вопросов: «...все глядела на меня в окно, с высоты, какая-то тихая звезда... Что надо было ей от меня? Что она мне без слов говорила, куда звала, о чем *напоминала?*» [Там же, с. 9]. Подобным вопросом Арсеньев задастся во время своего путешествия

на юге Франции: «Неужели это солнце, что так ослепительно блещет сейчас и погружает вон те солнечно-мглистые горы в равнодушно-счастливые сны о всех временах и народах, некогда виденных ими, ужели это то же самое солнце, что светило нам с ним некогда?» [Там же, с. 187].

Прапамять героя хранит воспоминания не только об усадьбе, о потомках, родных просторах. Она воскрешает и другие страны, другие культурные традиции. Рассказы учителя Баскакова о замках Европы, книги с картинками о рыцарских временах Дон Кихота, о тропических путешествиях Робинзона не завораживают Арсеньева, поскольку ко всему этому он «несомненно некогда принадлежал». Поразительная точность в описании других времен, наций и культурных реалий свидетельствует об уникальном типе сознания, при котором не существует разделения на «свое» и «чужое». Мировой опыт для героя – это также воплощение рая, золотого века: «И, Боже, сколько сухого зноя, сколько солнца не только видел, но и всем своим существом чувствовал я, глядя на эту синь и эту охру, замирая от какой-то истинно эдемской радости! В тамбовском поле, под тамбовским небом, с такой необыкновенной силой *вспомнил я все, что я видел, чем жил когда-то, в своих прежних, незапамятных существованиях*, что впоследствии, в Египте, в Нубии, в тропиках мне оставалось только говорить себе: да, да, все это именно так...» [Там же, с. 37].

Генетические корни, связывающие героя с миром, обнаруживается и в тех людях, которые встречаются на жизненном пути Арсеньева. Однако такие связи описываются уже в третьей и четвертой книге романа. Можно говорить об определенной эволюции героя в процессе постижения мира. Каждый отдельный человек для Арсеньева является родным и близким, поскольку их связывает нечто большее, чем кровные узы. Так, например, встретившись на ярмарке с цыганкой, герой мгновенно почувствовал, то их объединяют «отцы»: «На ярмарке гадала мне по руке молоденькая цыганка. <...> томя меня не только этими бедрами, сонной сладостью глаз и губ, но и всей своей древностью, говорившей о каких-то далеких краях, и тем еще, что опять тут были мои “отцы”» [Там же, с. 152]. Безусловно, герой наиболее чуток к прапамяти своей семьи, своего рода. Во время путешествия в Севастополь Арсеньев вспоминает то, что пережили его отец и дядя – события Крымской войны: «Только там, за этой зеленой водой, было нечто *отцовское* – то, что называлось Северной стороной, Братской Могилой; и только оттуда веяло

на меня грустью и прелестью прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто *чего-то моего собственного*, тоже всеми давно забытого...» [Там же, с. 176–177].

В конце романа Арсеньев замышляет написать повесть о своей жизни, однако он решительно отказывается от хронологического принципа: «Что ж, думал я, может быть, просто начать повесть о самом себе? Но как? Вроде “Детства, отрочества”? Или еще проще? “Я родился там-то и тогда-то...”. Но, Боже, как это сухо, ничтожно – и не верно! Я ведь чувствую совсем не то! Это стыдно, неловко сказать, но это так: *я родился во вселенной, в бесконечности времени и пространства*, где будто бы когда-то образовалась какая-то солнечная система, потом что-то, называемое солнцем, потом земля... Но что это такое? Что я знаю обо всем этом, кроме пустых слов?» [Там же, с. 237]. Таким образом, прапамять – это непрерывный процесс возрождения личности, посредством которого преодолевается время и пространство.

Список литературы

Аверин Б. В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания // И. А. Бунин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. – СПб: Рус. христиан. гуманит. ин-т, 2001. – С. 651–678.

Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1965–1967.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рипол-Классик, 2006. – Т. 3. – 544 с.

Мальцев Ю. В. Иван Бунин: 1870–1953. – М: Посев, 1994. – 432 с.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен: учеб.-метод. пособие / науч. ред. О. В. Зырянов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 232 с.

Степун Ф. А. Иван Бунин. // Степун Ф. А. Встречи. – Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1962. – С. 87–102.